

УДК 94
ББК 54
М – 32

Мавриди Константин Николаевич, аспирант кафедры истории и методики преподавания истории Славянского-на-Кубани государственного педагогического института, т.: (86146) 2534421

РОССИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО СЕРЕДИНЫ 1960-Х ГГ.: АЛЬТЕРНАТИВЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

(рецензирована)

Статья посвящена анализу знаковых изменений в хозяйственно-экономической жизни и социокультурном облике российского крестьянства под влиянием резких колебаний аграрной политики КПСС в условиях ускорения модернизационных процессов в конце 1950-х – середине 1960-х гг. Автором выясняются наиболее проблемные моменты развития, связанные с углублением кризиса традиционного уклада жизни российского села.

Ключевые слова: российское крестьянство, социокультурный облик, аграрная реформа 1965г.

Mavridi Konstantin Nicholaevich, postgraduate student of the Department of History and Methodology of Teaching History of Slavic-on-the Kuban State Pedagogical Institute, tel.: (86146) 3-44-21

RUSSIAN PEASANTRY IN THE MID 1960-S : ALTERNATIVES OF SOCIO- CULTURAL DEVELOPMENT

(Reviewed)

This article analyzes the landmark changes in household and economic life and in socio-cultural image of the Russian peasantry under the influence of sharp fluctuations in agricultural policy of the CPSU in the acceleration of the modernization process in the late 1950-s - mid 1960-s. The author has highlighted the most critical moments of the development associated with the deepening crisis of traditional life in the Russian countryside.

Key words: the Russian peasantry, the socio-cultural look, 1965 agrarian reform.

Анализируя изменения в положении российского крестьянства и их повседневной жизни в период хрущевской «оттепели», необходимо признать, что итоги данной эпохи оказались предельно противоречивыми. Аграрный сектор экономики впервые в советской истории перестал рассматриваться исключительно с точки зрения объекта безжалостной эксплуатации, стал получать все более увеличивающиеся ассигнования на развитие материально-технической базы. Это обусловило (вплоть до 1958г.) значительный рост сельскохозяйственного производства, существенное улучшение жизни крестьянства. Существенные перемены произошли и в правовом статусе крестьянства. Процессы паспортизации, перехода к денежной оплате труда и пенсионному обеспечению, многие другие изменения в социальной сфере фактически освободили его от полукрепостной зависимости.

Вместе с тем, с рубежа 1950-х – 1960-х гг. все с большей очевидностью проявил себя целый букет негативных последствий проводившихся аграрных преобразований. Многочисленные необоснованные или не до конца продуманные решения и связанные с этим провалы и неудачи, в том числе, активная борьба с личным подсобным хозяйством обусловили, в итоге, резкое ухудшение продовольственной ситуации в стране. С 1959 г. расход зерна в стране стал стабильно превышать объем производимых заготовок, что привело к существенному сокращению государственных хлебных резервов, закупкам зерна за границей, обусловило «проедание» золотого запаса страны. В частности, по данным Р.Г. Пихоя, в 1963 г. на закупку продовольствия СССР израсходовал 372,2 тонны золота, что составляло более трети общего запаса. В 1965г. на эти цели было потрачено 335,3 тонны золота [1, с.11]. При наличии тотального дефицита продовольствия стало неизбежным повышение цен на сельскохозяйственную продукцию.

Уже в первой половине 60-х гг. особую актуальность для России приобрела и проблема людских ресурсов на селе. С 1959 по 1964 гг. число селян в РСФСР сократилось на 3,7 млн. человек [2, с. 370]. По разным каналам происходил отток сельского населения в город, причем в основном мигрантами являлись молодые люди, обладавшие специальностью и квалификацией. Как следствие, начался процесс «старения» деревни [3; 104]. За период с 1954 по 1967 гг. доля молодежи в составе

сельского населения РСФСР уменьшилась в 1,5 раза [4, с.72]. К середине 60-х гг. последствия миграции сельских жителей стали настолько ощутимыми, что тревогу по поводу обезлюдения многих местностей (особенно деревень Российского Нечерноземья) забили публицисты [5, с.145-149]. Несмотря на жесткую идеологическую заданность публикаций советских историков, уже в то время ряд исследователей откровенно заявили о том, что сельская миграция приобретает экономически нецелесообразный характер, вызывает нежелательные последствия [6, с.132-134].

В контексте истории повседневности, на сегодняшний день следует считать очевидным, что усиление оттока сельского населения в город с конца 50-х гг. явилось уже не только и не столько свидетельством индустриального развития России, сколько показателем растущего разочарования крестьян в своих ожиданиях, недоверия к политике властей. Вместе с тем, следует особо отметить и целый ряд факторов социокультурного плана, способствовавших размыванию и, в итоге, слому традиционного крестьянского консерватизма.

Одним из наиболее значимых факторов, способствовавшим ускорению оттока сельских жителей в города, явилась целенаправленно проводившаяся политика сселения так называемых «неперспективных деревень». Начавшаяся в конце 50-х гг. [3, с.166], она достигла своего апогея в 1960-1970-е годы. Только за период между переписями населения в 1959 и 1970 гг. количество сельских населенных пунктов сократилось в РСФСР - с 294 до 216,8 тысяч [7, с.38,44]. В итоге, она обернулась значительными материальными, социокультурными и моральными издержками.

На наш взгляд, в отмеченных выше решениях, прежде всего, обнаружился явный перевес хозяйственных целей и задач над социальными и социокультурными. Расчеты на модернизацию социальной сферы села - строительство современных жилых домов, клубов, больниц, школ и т.д. - как бы привязывались к чисто производственным аргументам в пользу укрупнения [8, с. 101]. В то же время, нельзя не признать, что немалую роль здесь сыграла и растущая бюрократизация советской действительности. В данной связи, этот вариант аграрного переустройства являлся привлекательным с административной точки зрения бюрократа, стремящегося поставить хозяйственную жизнь под более жесткий, мелочный, детальный контроль. Внешне же это декарировалось установкой на ликвидацию в самый короткий срок

социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней. Почему отмеченная «ликвидация» выделась в создании своего рода «сельских городов», представляется не вполне понятным. Полагаем, что и сами авторы, архитекторы данной политики, вряд ли в полной мере осознавали характер связанных с этим трансформаций крестьянской повседневности и социокультурного облика крестьянства.

На наш взгляд, элементы утраты здравого смысла здесь были в немалой степени обусловлены тем, что почти изначально «упорядочение» сети сельских поселений путем строительства укрупненных населенных пунктов городского типа было переведено из социально-экономической и социокультурной исключительно в политико-идеологическую плоскость.

Нужно признать, что во второй половине 60-х годов это было в определенной мере осознано. Только в 1967 - 1970 гг. по данному блоку проблем было принято и опубликовано более 20 партийно-правительственных постановлений, которые были направлены на решение социальных задач, прежде всего, на усиление материального стимулирования в колхозах и совхозах (постановления об охране труда, о совершенствовании пенсионного законодательства и социального обеспечения, о развитии почтовой связи и книжной торговли в сельской местности, об упорядочении строительства на селе, о льготах по сельскохозяйственному налогу, о развитии среднего специального сельскохозяйственного образования, о подготовке механизаторов и др.). По отдельным проблемам (пенсии, соцобеспечение, льготы по налогу) было принято по несколько постановлений. Любопытно, что более всего постановлений по социальным вопросам было принято в юбилейном 1967 году.

В целом, значение социальных проблем, существовавших в российской деревне, вполне осознавалась. Более того, декларировалась необходимость глубокого поворота к решению многообразных задач, связанных с условиями труда и быта крестьян. Предпринимались различного рода частные меры. Однако принципиального переосмысления внутреннего содержания социокультурных процессов на селе не произошло. Особо отметим, что радикализм, проявившийся в осуществлении ряда преобразований, стремление центрального и местного руководства решить задачи социального развития села преимущественно политико-административными средствами, с упором на дисциплину, ответственность, энтузиазм кадров, «взрывные»

методы социального переустройства села не оставляли места для учета в партийно-государственной политике традиционных сельских ценностей. Все это вело к ломке крестьянского уклада жизни, в свою очередь, отражалось на производственных процессах.

К примеру, лишь дополнительно усиливало ряд кризисных черт развития, связанных с нежеланием трудиться в аграрной сфере, дальнейшее повышение образовательного и культурного уровня крестьян. Признавая механизатора центральной фигурой на селе, руководство партии и страны делало действительно многое для расширения масштабов подготовки и эффективного использования труда трактористов, комбайнеров, шоферов, ремонтных рабочих. Однако общая закономерность состояла в том, что с повышением профессионального уровня работников возрастал их отток из деревни. Красноречивый пример тому приводился на мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС: в РСФСР в годы семилетки из каждых 100 вновь пришедших в сельское хозяйство трактористов выбывало 84 [9, с.111].

Постоянное вымывание из деревни людей, обладавших относительно высоким уровнем образования и профессиональной подготовки, являлось одной из причин того, что на селе ощущалась хроническая нужда в широком слое квалифицированных тружеников, восприимчивых к технико-экономическому прогрессу. В то же время, преобладающая часть сельских тружеников по-прежнему была занята малоквалифицированным ручным трудом.

Несмотря на серьезные позитивные подвижки, происходившие в контексте хозяйственной реформы 1965 года, аграрная политика советского государства, основанная на огосударствлении и централизации сельскохозяйственного производства, к концу 1960-х гг. привела к массовой зависимости сельских жителей от центральной власти. Она лишила крестьянство инициативы и производственной самостоятельности. При этом сам российский аграрный сектор, после ряда лет бурного роста на основе более эффективного использования в качестве фактора развития интереса производителя, оказался в состоянии глубокого застоя.

В производственном статусе и социальном положении, в сфере духовной жизни крестьянства наметился ряд довольно глубоких негативных изменений. При этом факторами «раскрестьянивания» порой оборачивались даже определенные положительные сдвиги в социальном и культурном развитии деревни.

В частности, обращение к проблемам расширения хозяйственной самостоятельности колхозов показывает, что в 60-е гг. имелись такие руководители хозяйств, которые отстаивали принципы артельного демократизма, отдавали приоритет тому, как живут люди, а среди мер воздействия на колхозников на первый план ставили материальный стимул. Но все же реальность заключалась в том, что, вследствие хозяйственных реорганизаций 1950-1960-х гг., закрепился традиционно жесткий, авторитарный стиль руководства. В свою очередь, традиционные обращения сельских жителей со своими проблемами в центральные органы зачастую являлись свидетельством недоверия местным властям, бессилия перед бюрократическими инстанциями. Не случайно, в письмах, направлявшихся в Москву, как правило, встречалась одна и та же просьба не возвращать жалобу обратно в район на рассмотрение местных руководителей.

Невозможность вполне свободной трудовой самореализации, самостоятельного определения горизонтов своей жизни постепенно вела к развитию ряда асоциальных девиаций в среде крестьянства. В частности, своеобразным показателем ухудшения общественной ситуации, потери интереса селян к труду и общественным проблемам явилось распространение в деревне пьянства.

Уже к началу 1960-х гг. потребление колхозниками спиртных напитков увеличилось повсеместно и составило в ряде областей от 3 до 4 литров на душу населения (в 1947 г. этот показатель составлял 600 гр.) [10, с. 57]. В обзоре корреспонденции с мест, направленном в 1965 г. редакцией газеты «Сельская жизнь» в отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС, вырисовывалась поистине удручающая картина. Факты свидетельствовали, что со времени принятия партийно-правительственного постановления о борьбе с пьянством (декабрь 1958 г.) в ряде регионов продажа спиртных напитков на душу населения увеличилась в 1,5 раза. Отмечался и значительный рост самогонварения. Корреспонденты газеты и сельские жители приводили многочисленные примеры несчастных случаев и преступлений, произошедших на почве пьянства [11; Д.169. Л.Л. 44, 46, 165, 185, 190].

В целом, традиционная общественно-политическая индифферентность, «покорность» крестьянства, неразвитая правовая и политическая культура проявлялись в том, что даже свои ближайшие, непосредственные интересы жители деревни защищали пассивными способами. Признаки общественной апатии, ра-

зочарования крестьян в своем положении все явственнее ощущались с рубежа 50-60-х гг. Лишь отчасти это было скорректировано в связи с реальным улучшением положения в деревне во второй половине 60-х годов.

Литература:

1. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти 1945-1991. М., 1998. С.370.
2. Народное хозяйство РСФСР в 1964 г.: стат. ежегодник. М., 1965.
3. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х - начало 60-х гг. М., 1992.
4. Миграция сельского населения. Новосибирск, 1969.
5. Черниченко Ю. Кубань - Вологодчина // Новый мир. 1965. №4.
6. Проблемы истории современной советской деревни (1946-1973). М., 1975.
7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Сводный том. М., 1962.
8. Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1963. Т. 4.
9. Материалы Пленума ЦК КПСС 24-26 марта 1965 г. М., 1965.
10. Безнин М.А. Материальное благосостояние колхозной семьи в Нечерноземье (1950-1965 гг.) // История СССР. 1989. №1.